

Я не помню, как закончила свою речь и как шла по проходу обратно к своему далекому последнему ряду. Лишь опустившись на свое место, я пришла в себя и начала как-то механически пожимать руки офицерам, тянувшимся ко мне с соседних сидений.

На трибуне уже стоял другой оратор — судя по погонам, очередной генерал-полковник, вероятно, занимавший важный пост в одном из фронтовых управлений. Но я не вслушивалась в его слова. Честно говоря, всё, что он произносил, казалось мне лишь чередой бессмысленных иностранных слов. Я вся была погружена в воспоминания о том, что только что произошло, еще не успев ощутить того огромного чувства облегчения, которое нахлынет на меня лишь несколько минут спустя.

Сидя на месте, я постепенно восстанавливала в памяти то, что наговорила во второй части выступления. Сначала я детально разъяснила тезис о том, как «выигрывать время за счет пространства»: чем больше территорий захватывают немцы, тем длиннее становятся их линии снабжения. Чтобы предотвратить бесконечные диверсии наших партизан, обеспечить подвоз боеприпасов на фронт и безопасную эвакуацию раненых в тыл, они будут вынуждены снимать войска с передовой для охраны своих тыловых коммуникаций. Таким образом, их группировка на фронте поредеет, а наступательный порыв ослабнет. К моменту, когда их ударные части достигнут стен Москвы, у них уже не останется сил для проведения мощного штурма.

Затем я сделала упор на важности широкого развертывания партизанской войны в тылу врага. Я предложила переформировывать разбитые части в партизанские отряды и на месте разворачивать тактику «рассыпного строя» — действия малозаметных малых групп, которые изматывали бы немцев и содействовали операциям регулярных войск на основном фронте. Нужно бить по слабым местам врага, заставляя его метаться и лишая возможности предугадать удар: сегодня засада на транспортную колонну, завтра уничтожение патруля. Не давать врагу ни дня покоя, держать его в постоянном страхе, накапливая малые победы для достижения одной большой и прочно удерживая инициативу в своих руках...

Гром аплодисментов вырвал меня из раздумий. Посмотрев на сцену, я увидела, что Сталин уже стоит за трибуной и подводит итоги сегодняшнего совещания. Я не могла разобрать смысла его слов — мои мысли всё еще крутились вокруг того исторического анализа, который я только что выдала, повергнув всех присутствующих в оцепенение. В таком состоянии я совершенно утратила способность понимать русскую речь: в ушах стоял лишь монотонный поток фраз с характерным грузинским акцентом.

Как только совещание закончилось, я, оказавшись ближе всех к выходу, первой выскочила за двери и побежала в гардероб за вещами. Не успела я вытащить номерок, как женщина-сержант уже сняла мою шинель с вешалки. Подавая мне одежду, она прошептала:

— Вы просто молодец! Набраться такой смелости, чтобы выйти на трибуну... С вами даже сам

товарищ Сталин разговаривал! — Прежде чем она успела договорить, хлынула толпа офицеров, и я, воспользовавшись моментом, подхватила шинель и поспешила уйти.

Несмотря на то что на улице было очень холодно, я, только что, покинув теплый зал, словно не чувствовала мороза. Прижимая шинель к груди, я пересекла площадь и направилась к комендатуре у выхода из Кремля.

В караульном помещении стоял большой стол, заваленный пистолетами самых разных моделей. Лейтенант, принимавший у нас оружие на хранение, сидел за столом, а за его спиной замерли более десятка часовых. Подойдя к столу, я достала квитанцию на получение оружия и передала её лейтенанту. Он мельком взглянул на неё и быстро отыскал среди груды пистолетов мой.

Я приняла пистолет, вложила его в кобуру и застегнула клапан. Затем, достав временный пропуск, спросила лейтенанта:

— А как быть с этим временным пропуском? Вернуть его вам?

— Нет необходимости. Срок действия временного пропуска — всего один день, завтра он аннулируется автоматически. Можете выбросить, а можете оставить себе на память.

— Лида! — кто-то окликнул меня сзади. Обернувшись, я увидела генерал-майора Горохова и Королёва, идущих в мою сторону; звал меня именно Королёв. Оформляя получение своего оружия, он радостно произнес: — Ты сегодня на трибуне держалась просто превосходно! Не ожидал, что ты так глубоко видишь суть вещей. В этот раз ты заставила всех говорить о нашем Ленинградском фронте, ха-ха!

Офицеры из других фронтов, получив оружие, тоже подходили поздороваться, жали руку и говорили несколько слов одобрения. И вот, когда я едва успевала отвечать на знаки внимания, за спиной внезапно раздался суровый голос:

— Кто здесь лейтенант Овсянникова?

Вокруг мгновенно воцарилась тишина. Я обернулась и увидела офицера в новенькой шинели — это был полковник. За ним следовали двое бойцов с висящими на груди пистолетами-пулеметами; они приближались ко мне четким строевым шагом.

— Зачем вам нужен лейтенант Овсянникова? — неожиданно подал голос генерал-майор Горохов, до этого молча стоявший рядом со мной. — Кто вы такие?

— Командир первого батальона полка специального назначения Комендатуры Кремля, полковник Безиков, — сухо ответил офицер. — По приказу вышестоящего руководства лейтенанту Овсянниковой надлежит проследовать с нами.

Должно быть, «Большая чистка» прошлых лет до того запугала всех присутствующих, что стоило полковнику произнести эти слова, как генерал-майор тут же умолк. Окружающие, включая тех, кто носил погоны генерал-лейтенантов и даже генерал-полковников, притихли как цикады в мороз, не проронив ни звука. Лишь на лице Королёва отразилась тревога; он смотрел на меня взволнованным взглядом, явно желая что-то сказать, но так и не решился.

Безиков сделал приглашающий жест и первым зашагал к выходу из караульного помещения. Набросив шинель на правую руку, я последовала за ним; двое вооруженных бойцов пристроились мне в затылок. Пока я шла, в голове лихорадочно крутились мысли о том, как руководство решит со мной поступить: сошлют ли в Сибирь добывать уголь или сразу вывезут в безлюдное место и расстреляют? Неужели за те несколько слов правды, сказанных прилюдно, стоит применять столь крайние меры? Однако я не дура и не собиралась безропотно ждать смерти. Если уж умирать, то прихватив с собой еще нескольких. С этой мыслью я, скрывая движение под полами шинели, тайком расстегнула клапан кобуры и сжала холодную рукоять пистолета, чтобы в любой момент быть готовой открыть огонь.

Безиков молча шагал впереди по длинному коридору. Глядя на его погоны, я подумала:

«Ну и уровни у этого полка охраны — комбат уже целый полковник, значит, командир полка как минимум генерал». В голове зрел план: если почувствую неладное, первым делом развернусь и сниму двоих бойцов сзади, а затем всажу пулю в Безикова. Завладею их пистолетами-пулеметами и буду прорываться к выходу. Уж лучше погибнуть под градом пуль, чем позволить зарезать себя как овцу.

Пока я размышляла, идущий впереди Безиков внезапно остановился. Не успев притормозить, я по инерции врезалась ему в спину. Он придержал меня за плечи и, добродушно улыбнувшись, проговорил мягким тоном:

— Осторожнее, дорогая. — Прежде чем я успела что-то ответить, он толкнул боковую дверь и добавил: — Пришли. Это здесь, входите.

Я осторожно заглянула в открытую дверь. Посреди комнаты на треноге стоял фотоаппарат, а у стены было натянуто белое полотно, под которым стояла длинная скамья. Я долго озиралась по сторонам: как ни крути, комната больше всего походила на фотоателье.

— Проходите же! — снова позвал Безиков. — Как только сделаем снимок, сможете быть свободны. — Затем он бросил двоим бойцам: — А вы охраняйте вход.

Так это всего лишь фотографирование! А я-то вообразила, будто мои слова на трибуне кого-то разгневали и со мной решили свести счеты. Смахнув выступившую на лбу испарину, я переступила порог комнаты. За дверью сидел фотограф в звании ефрейтора; завидев нас, он поднялся и отдал честь.

Когда со снимками было покончено, Безиков в сопровождении двоих бойцов проводил меня обратно. Снова оказавшись у дверей комендатуры, я почувствовала, что белье под

гимнасткой насквозь пропиталось потом. Заметив, что Королёв всё ещё ждет меня там один, я ощутила прилив тепла в груди. Ускорив шаг, я подбежала к нему и взволнованно крикнула:

— Дядя Павел!

Я подскочила к нему и только собралась что-то сказать, как вдруг над городом взвился пронзительный вой: «У-у-у~~~!» Внезапно зазвучала сирена. Я в недоумении огляделась по сторонам: что случилось? Неужели враг прорвался в Кремль?

Сзади донесся голос Безикова:

— Внимание! Воздушная тревога! Всем немедленно проследовать в ближайшие бомбоубежища!

<http://bllate.org/book/16020/1429218>